

«Они прошли этими путями давным-давно, и Красный Бык бежал за ними следом и затапывал их следы».

ПИТЕР С. БИГЛ
«ПОСЛЕДНИЙ ЕДИНОРОГ»

1

Пыль я увидела раньше, чем сам грузовик, раньше, чем услышала звук его двигателя. Облако пыли величественно несло по шоссе, как дракон, как столб коричневого огня. Шоссе было прямое и ровное. Даже плоское. Оно тянулось по земле куда-то за горизонт, а небо было таким прозрачным, что можно было бы разглядеть ястреба, кружащего над соседним городком.

Если бы по соседству был хоть один городок.

Я задержалась у окна кафе. Может быть, грузовик остановится. Может быть, водитель зайдет выпить чашечку кофе; Луиза готовит фирменный латте с арахисовым маслом. Возможно, грузовику понадобится топливо на заправочной станции по соседству, а значит, моя начальница скинет фартук и перебежит туда. В кои-то веки намечался шанс на какой-нибудь бизнес.

Вместе с шансом в душе затеплилась надежда. Правда, речь незнакомых людей мне не всегда удавалось понять, а люди не любят, когда их не слышат. Но я так соскучилась по новым

знакомствам! Ведь может получиться и по-другому. Человек может оказаться добрым, будет говорить громко и отчетливо, и мне при этом будет видно его рот.

Но нет. Грузовик даже не затормозил. Он промчался мимо магазинчика уцененных бакалейных товаров, где моя мама — ее зовут Кэролайн — расставляла по полкам помятые консервные банки. Он пронесся мимо Луизиного кафе с автозаправкой, мимо крошечной библиотеки и совсем крохотной почты. И помчался по шоссе куда-то дальше.

— Тея, — окликнула меня Луиза, — пол сам себя не подметет.

Я оторвалась от запыленного окна. Что стекла запылились — это мое упущение. Я должна была их помыть, и грузовик только прибавил мне работы. Пыль, которую он поднял, осела на стеклах. Тяжелая юбка прилипла к ногам.

Я работала в Луизином кафе уже месяц — почти столько же, сколько мы прожили в Бескровной Долине. Но пыль меня до сих пор удивляла. Она поднималась с земли неожиданно и летела через дорогу как перекасти-поле. В первый раз такое перекасти-поле метнулось под колеса нашего грузовика, когда мы ехали на запад из Огайо. Я вскрикнула, подумав, что мы задавили животное или ребенка, перебегавшего дорогу. Куст разлетелся на мелкие кусочки, и ветер понес их дальше.

«Это просто перекасти-поле, — объяснил мой отец, Абрахам. — Сухое растение. Мертвое».

В Колорадо пыль лезла в глаза, забивалась в волосы. Иногда даже скрипела на зубах. Я скучала по дождю, по прохладе. Я скучала даже по сырости. Я тосковала по нашему дому в Огайо.

Наша семья отправилась в Колорадо, потому что отцу попалось в информационном бюллетене объявление о продаже дешевого участка земли с домом. *Живите проще*, призывала брошюра, *и вы добьетесь большего с меньшей затратой сил. Возвращайтесь к жизни на земле.* Тут же давалась полезная информация, как перерабатывать компост с помощью дождевых червей и топить печь дровами. Вот мы и вернулись. Вернулись туда, где никогда не были.

А из старого дома нас выгнало наводнение.

Вода, сошедшая с холмов, была серой, как илистые пруды в заброшенных угольных шахтах. Она вобрала в себя их цвет, прихватила горы мусора и даже рыбы, а потом, испачкав стены, затопила дома в низине и ушла.

Наводнение приснилось отцу до того, как оно случилось. Во сне стена мутной воды обрушилась на поля и поглотила их. Но во сне он не видел, что случилось потом. Нам подняли арендную плату. У нас не было страховки. «Только владея землей, вы станете свободными людьми», — объясняли рекламные бюллетени.

Итак, нашему папе привиделся будущий дом. Наш новый дом был желтым и сухим. Он стоял далеко на западе, уютно расположившись у подножия гор. В Колорадо нам не грозили наводнения. Там просто не было дождей.

И вот мы приехали сюда, потому что мы бедны, а бедные фермеры ехали сюда, в Бескровную Долину на юге Колорадо, где можно купить участок земли почти задаром. Тут рекламные бюллетени не обманули. Они умолчали лишь о том, что здесь практически ничего не растет.

Соседей у нас здесь не было. Компанию мне составляла главным образом пыль. И девятилетняя сестра — ее зовут Амелия. И куры, которым мы тайком от отца — потому что он нам это запретил — дали имена: Тейлор Свифт, Биллина, Лана Дель Рэй...

Отец не хотел, чтобы я работала в кафе, но нам нужны были деньги. Очевидно, для обретения независимости нужно время. Поэтому вначале мама нашла себе работу в городе, а затем и я. Город — это громко сказано. Горстка ветхих домишек, мимо которых теперь промчался грузовик.

— Как по-вашему, куда он поехал? — спросила я, проводя метлой по клетчатому полу кафе.

— Кто? — спросила Луиза.

— Этот грузовик.

— В национальный парк «Песчаные дюны», наверное.

— А может, и нет, — вставил единственный посетитель кафе, мужчина на вид старше моего отца. Он сидел за стойкой, уставившись в свою кружку, куда Луиза время от времени подливала кофе. Мужчина носил ковбойскую шляпу, нагнув ее на самые глаза. Рука, сжимавшая ручку кружки, была изрезана морщинами. — Слишком шустро он ехал для туриста.

— А куда тут еще можно поехать? — спросила я.

— Много куда, если знаешь эти места.

Я продолжала смотреть на него, и он опустил глаза, помедлил и сделал еще глоток. Куда бы я могла тут поехать, если не умею водить машину? Родители не пускали меня за руль. Здесь, в Колорадо, все было не так, как в Огайо; там я могла пешком дойти до города, а какое-то время ездила в школу на грохочущем школьном автобусе.

Правда, я уже два года не ходила в школу.

А здешний городок был маленький, как «лежачий полицейский»; здания стояли далеко друг от друга вдоль длинной ровной дороги. Мы с мамой ездили только в кафе и в магазин, где продавали уцененные товары таким же фермерам, как мой отец. А потом возвращались «домой» — на это косяк-ранчо. Родители хотели, чтобы мы с Амелией называли его нашим домом, хотя домом оно нам не казалось. Все вокруг было чужим. Папа не разрешал мне отходить от кафе, даже переходить дорогу. Говорил, что мне нечего там делать.

Да и опасно выходить на трассу.

Продолжая подметать, я поглядывала в ту сторону. За окнами маленькой библиотеки было темно. А почта вообще казалась декорацией. Она была такой крохотной, что я не могла представить, как там помещаются служащий и клиент одновременно.

Луиза что-то произнесла.

«Не ___ грязь с места на место» — что-то вроде этого.

Я попыталась восстановить смысл по обрывкам слов, которые удалось расслышать. С каждой секундой промедления нервы у меня напрягались все сильнее. Момент, когда можно было переспросить, что сказала Луиза, уже прошел. Теперь просить ее заполнить пробелы было бы только хуже: ситуация станет еще более неловкой.

Я с рождения наполовину глухая. Слева от моей головы царит тишина, и кажется, что половина раздающихся вокруг звуков пролетает мимо меня. О них я могу только догадываться. Или вообще не подозреваю, что что-то пропустила. Часто я не понимала, что говорит хозяйка, но мне хватало пары секунд, чтобы по отдельным звукам восстановить смысл. А иногда мне так и не удавалось расшифровать сказанные кем-нибудь слова. От постоянного напряжения у меня почти каждый вечер болела голова.

Луиза была старше моей мамы. Волосы у нее были черные с проседью, туго стянутые в пучок. Она имела привычку говорить, глядя в сторону. И на ходу. Она все время двигалась, занимаясь в сонном кафе мелкими делами, которые казались ей необходимыми: перекладывала салфетки под стойкой, доставала что-нибудь из кладовки или уходила на кухню.

Было бы проще, если бы Луиза, обращаясь ко мне, смотрела прямо на меня. Тогда я видела бы ее губы. Когда я устраивалась на работу, то сразу сказала ей, что плохо слышу. Я упомянула об этом вскользь и сразу поспешила заверить, что это по-

чти не доставляет никому проблем, и больше об этом не говорила.

Отец не хотел, чтобы я признавалась в этом людям.

Я должна была притворяться, что все слышу.

В конце концов, больше глухих в семье нет.

Мусорное ведро стояло за стойкой. Когда я пошла за ним, посетитель прикоснулся рукой к своей шляпе в знак приветствия. Он был хорошо одет — в смысле хорошо для здешних мест, — на нем была чистая рубашка с белыми перламутровыми пуговицами и чистые джинсы. А ковбойские или просто высокие резиновые сапоги здесь носили все, как я успела заметить. И никто, как и этот мужчина, не снимал головного убора.

У меня за спиной появилась Луиза. Я не слышала, как она подошла.

— Еще налить, Сэм? — спросила она.

— Нет, спасибо. — Тот отодвинул чашку. —

Мне нужно на маршрут.

— Когда твой ____ возвращается домой?

— Сегодня.

— Как отмечать будете?

— Пожарю __ на гриле. Хочешь, заходи. Он будет рад тебя видеть, ты же знаешь.

— Ой, нет. — Луиза покачала головой и отвернулась, чтобы положить кружку в мойку. — Зачем Рэю компания старухи? __ мешать. Он же зайдет сюда на днях, вот и увидимся.

Сэм встал и осторожно перешагнул через кучи пыли, которые я намела. Взгляд у него был такой же, как у моей мамы, когда она смотрела на

длинную грунтовую дорогу, что вела к нашей ферме, и на местность вокруг. Там ничего не росло, кроме колючих пучков сорной травы под названием осока. Мама тоже тосковала по дому. Мы все тосковали — кроме отца.

О чем думал в этот момент Сэм? И кто этот Рэй? Наверное, его сын. Так, кажется, сказала Луиза. Мужчина выглядел ровесником Луизы и вел себя так, словно у него была еще одна причина пригласить ее на ужин.

Собрав кучки в ведро, я отнесла пыль в мусорный бак. Каждый день я подметала, и каждый день пыль возвращалась. Обернувшись, я увидела у входной двери маму.

— Закончила?

Я кивнула и стала снимать фартук.

— Как дела? — спросила Луиза.

У мамы опять появился тот самый взгляд.

— Да все то же самое. Никто не отвлекает, так что успеваешь много сделать.

— Да, можно и так к этому относиться.

— Здесь всегда так?

Я понимала, что мама боится потерять работу. Она же совсем недавно устроилась. Я тоже боялась потерять свою. Из чего хозяйка умудряется выкраивать даже ту малость, которую она мне платит?

Луиза родилась в этих местах. За кафе стоял ее дом, а на стене за стойкой висели ряды фотографий: улыбающиеся двоюродные братья и сестры, племянницы и племянники — все с такими же черными волосами, как у нее. У нее была семья.

У моих родителей никого здесь не было. У меня тоже никого, никакой связи с этой плоской местностью. Если мои родители не смогут вырастить урожай в этой долине, не наберут денег, чтобы оплатить воду из колодца... то нам, наверное, и переехать отсюда не на что будет.

— Когда станет попрохладней, здесь будет проезжать больше туристов, — ответила Луиза. — Им нужно будет где-то перекусить, заправить машину, да и передохнуть... — Она улыбнулась нам с мамой так, словно удачно пошутила, и мы могли оценить юмор.

Но мне было не смешно.

Стоило нам с мамой шагнуть на улицу, как на нас обрушился зной. Что люди имеют в виду, когда говорят, что сухой жар пустыни переносится легче, чем жара во влажном воздухе Огайо? Что особенного в воздухе, полностью лишенном влаги? В Долине было очень жарко, невыносимо. Жара ощущалась по-другому, но не менее ужасно.

Жара в Колорадо, казалось, проникала внутрь через поры кожи. Она была осязаемой и царапала, как наждачная бумага; пыль летела по воздуху, лезла в глаза и в рот. У жары был свой вкус — вкус черствых крекеров, от которых язык прилипал к нёбу. Жар ощущался на веках, как будто кто-то давил на них пальцами.

А потом должно было стать еще жарче — это знала даже я, недавно прикатившая в Долину, как перекасти-поле. У Луизы на барной стойке возле

кофемашины для эспрессо стоял маленький телевизор. Чтобы скоротать время, она включала его, и мы вместе смотрели новости. По телевизору много говорили о погоде — говорили серьезным и тревожным голосом, как в фильмах ужасов.

Возможно, Луиза что-то знала про меня, и мне не приходилось рассказывать о себе. Долина невелика; люди, наверное, уже успели обсудить появление новой семьи, пусть и на отшибе. Например, то, что мы, дочери, не ходим в школу и почти постоянно носим длинные платья. Что моемся мы в старом металлическом корыте, которое мама ставит в дальней комнате. Что у нас нет даже электричества.

Луиза, наверное, удивилась бы, узнав, что у нас тоже есть телевизор. Когда отец запускал генератор, электричество у нас все-таки появлялось. Он запускал его на несколько часов в день, чтобы поработали кондиционер и холодильник; так что иногда мы даже включали телевизор. Но смотрели мы всей семьей только те передачи, которые одобрял отец: черно-белые драмы, классические мюзиклы и мультфильмы.

А Луиза разрешала смотреть новости. Я чувствовала, что она разрешила бы мне смотреть что угодно: мыльные оперы или видеоклипы — такие передачи, которых я уже много лет не видела. Но я не просила об этом, и на маленьком экране в кафе шли главным образом новости. Наводнения, оползни, пожары, повсеместное повышение температуры.

Как и здесь, в этой долине.

Мама завела двигатель, но оставила дверь машины открытой и опустила стекла, чтобы проветрить кабину.

— Подожди минутку.

Мы стали ждать, когда кондиционер охладит воздух. Через некоторое время мама сказала, что можно садиться. Но сиденье все равно обожгло мне ноги, словно по ним сильно ударили ладонью. Воздух, вырывавшийся из вентиляционных отверстий, был теплым и затхлым.

Даже здешний воздух отталкивал нас.

Мама выехала на единственную дорогу, по которой мы ездили, — Трассу 17. Кондиционер продолжал работать; стекла в окнах потрескивали; термометр на приборной панели показывал 39 градусов по Цельсию. Горячий ветер из окна хлестал меня по лицу. В кабине было слишком шумно, чтобы слушать радио, да и радиостанций здесь почти не было. Мама не хотела слушать новости. Она хотела верить моему отцу, и все, что он говорил, считалось законом.

Ехать от кафе до того плоского участка бурой земли, где стоял темно-бурый плоский дом, заочно купленный моими родителями, было далеко. Я уже довольно хорошо знала маршрут. Вокруг не было ничего примечательного, так что запоминалась любая мелочь. Здесь были поля, огороженные проволочными заборами. Изгороди на некоторых участках провисли или были порваны животными и машинами. Были ржавые ворота и телефонные столбы. Изредка попадались

зеленые кусты. А вверху — облака, огромные белые облака, бесконечными рядами тянувшиеся по вечно голубому небу.

Больше ничего до самой Сторожевой Башни Пришельцев — наблюдательной вышки, которую кто-то построил далеко в полях. Рядом с башней был лабиринт и музей, некое святилище, где люди оставляли вещи для пришельцев. Во всяком случае, так гласила реклама на баннере в форме инопланетянина, указывающего дорогу. Само строение я видела лишь издали с трассы. Мне не разрешали к нему приближаться.

Вот и все, что можно было встретить по дороге домой, единственное украшение здешнего ландшафта. «Безжалостного» — так назвала бы я этот ландшафт в письме подружкам из Огайо, Элли и Энджи. Это если бы я могла послать им письмо, которое все время мысленно писала. Хотя трудно передать, насколько ровной и однообразной была Долина, и неловко было признаваться, как мне скучно и одиноко. Настроение было таким же унылым, как эти земли.

Вот почему те змеи сразу бросились мне в глаза.

Большинство деревьев, видимых с дороги, росли далеко, возле низких квадратных домов или сараев, на фоне далеких гор, напоминавших фигурный голубой воротник. Те, что ближе, были скорее кустарниками, чем настоящими деревьями: чахлые, низенькие. Деревьям для жизни нужна вода.

Но два дерева с немного увядшими коричневыми верхушками стояли недалеко от шоссе за

проволочным забором. Сегодня на заборе что-то висело.

Когда мы ехали на запад и впервые сбили пере-кати-поле, я вскрикнула в первый раз. А Амелия закричала, в первый раз увидев луговую собачку¹; она думала, что это просто бродячая собака и надо остановиться и взять ее себе. В этот раз я снова не удержалась от крика.

— Мама!

Она нажала на тормоз, и машина остановилась.

— Что случилось? Ты что, ушиблась?

— Нет. Там, на заборе!

Мама едва взглянула туда.

— Это змеи.

То есть она знала. Знала, что они там висят.

Мы уже ехали дальше. Мама не стала задерживаться из-за каких-то змей. Я высунулась из окна, чтобы рассмотреть их получше. Одна была привязана к верху ограды, а к ней снизу еще две.

— Они мертвые. Их уже нашли мертвыми, — пояснила мама.

— Откуда ты знаешь?

— Местные старожилы в магазине рассказывали. Убивать змей нельзя, это плохая примета. Их ___ найти.

— А зачем их там повесили?

Очень уж странно они висели, эти связанные веревкой змеи. Извиваясь на горячем ветру, они

¹ Грызуны из семейства беличьих, живущие в прериях Северной Америки.

бились об изгородь, как тяжелые мертвые китайские колокольчики.

Теперь уже мама удивленно на меня посмотрела. Как будто я уже должна была знать такие вещи, от Луизы или еще кого-нибудь.

— Это местное суеверие, — сказала она. — Так призывают дождь.

*Дорогая Элли,
Мне здесь очень плохо.*

2

Встречать нас выбежали все, кроме отца. Первое время, приезжая с работы, я думала, что сестренка по мне так сильно соскучилась. И собаки тоже. Но потом я поняла, что на самом деле ей здесь просто нечем было заняться. Наше возвращение на ферму становилось для Амелии главным событием дня, единственной переменной после томительных часов, когда она бродила по ферме в компании собак, коз или кур, или сидела в темном доме, притворяясь, что занимается учебой.

Как только мама остановила машину, Амелия запрыгнула на подножку. Ее длинные рыжевато-каштановые волосы были заплетены в две косы. Глаза у нее были зелеными, какой, помнится, бывала трава после дождя, а ее нынешнее платье раньше носила я.

— Как дела? — спросила она. — Ты, кажется, расстроена. Что-то случилось?

— Да люди тут с ума посходили, — сказала я, вспомнив про змей.

— Они не ____, — сказала мама. — Просто верят бабушкиным сказкам.

— Сказкам чьей бабушки? — заинтересовалась Амелия.

Я не хотела рассказывать ей про змей. Она любила животных, хотя рептилии и не принадлежали к числу самых милых ее сердцу созданий. И если бы я сказала, что змей, как объяснила мама, привязали уже мертвыми, Амелия мне бы не поверила. Да я и сама не очень-то верила.

Мы жили на этой ферме очень уединенно. Если у нас и были какие-то соседи, мы про них не знали. Вокруг не видно было ни одного дома, не считая маленького серебристого проблеска на горизонте — должно быть, там стоял какой-нибудь ангар или гараж. Как и хотел отец, в этом необитаемом пространстве были только мы. Я попыталась подавить тревожное чувство в душе.

— Да так, ерунда, — ответила я Амелии.

Не стоило беспокоить сестру. Мне нередко приходилось перед ней притворяться.

Мама полезла за спинку сиденья и достала коробку с черствыми мини-кексами и парой слоек:

— Луиза дала немного вчерашней выпечки.

Моя начальница всякий раз передавала для Амелии что-нибудь вкусненькое. Луиза никогда не видела мою сестру, но часто намекала, что хотела бы с ней познакомиться.

Амелия соскочила с подножки. Собаки с визгом забегали вокруг нее. Маленькая рыжая, средняя белая, две крупные желтые, пушистая пятнисто-коричневая и лохматая серая. Все собаки